

тивными возможностями они превосходят правительственные организации, существующие в рамках отдельного государственного образования.

Таким образом, можно заключить, что результатом глобальной социальной динамики стала развитая сеть коммуникаций, которая охватывает практически все элементы социальной системы, выстраивая структуру взаимозависимых функциональных отношений и тем самым открывая новые возможности для реализации управленческих моделей. Общемировое коммуникационное и нормативно-правовое поле открывает возможность приближения к идеальному коммуникативному социуму. Однако необходимо отметить, что процесс глобализации не является панацеей от всех социально-экономических проблем, а в ряде случаев оказывает негативное воздействие на те или иные ситуации. По-прежнему остро во всех отношениях стоит

проблема стран третьего мира, в результате чего вновь возникает вопрос глобальной классовой борьбы.

Примечания

¹ «Элитарным слоем» здесь, прежде всего, является «правящий класс». Под ним, в свою очередь, понимаются люди, которые занимают руководящие должности в различного рода организациях и обладают большим стратегическим потенциалом.

² Устьянцев В.Б. Человек, жизненное пространство, риски. Саратов, 2006. С.158.

³ Цит. по: Назарчук А.В. От классической критической теории к теории коммуникативного действия (смена парадигмы в социальной теории) // Вестн. Моск. ун-та. Сер.7, Философия. 1993. С.27.

⁴ Там же. С.29.

⁵ Там же. С.23.

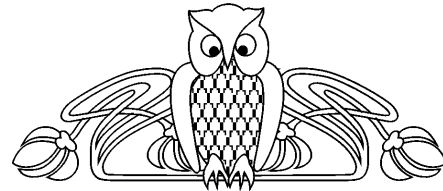
⁶ Делиберативная политика появилась как альтернатива неэффективным действиям традиционных механизмов урегулирования социальных конфликтов. Для того чтобы наличествовала политическая компенсация, политикой должно заниматься непосредственно само гражданское общество.

УДК 2-1+929 Лакан

КУЛЬТУРА, НАУКА И РЕЛИГИЯ В СТРУКТУРНОМ ПСИХОАНАЛИЗЕ ЖАКА ЛАКАНА

Д.Б. Петров

Саратовский государственный университет
E-mail: dpetrov77@mail.ru

В своей статье автор рассматривает теорию структурного психоанализа Жака Лакана. В работе предпринимается попытка авторской интерпретации лакановских идей о культуре и ее формах, в частности, науки и религии.

Ключевые слова: психоанализ, структура, язык, бессознательное, культура, наука, религия.

The Culture, Sciens and Religion in Structural Psycho-Analysis by Jacque Lacan

D.B. Petrov

The author considers the theory of structural psychoanalysis, suggest by Jacque Lacan. On the ground of this theory the author tries to interpret Lacan's concepts of culture including its components such as science and religion.

Key words: psychoanalysis, structure, language, unconsciousness, culture, science, religion.

Задача, которую ставит для себя философ, обращаясь к интеллектуальным, научным, философским концепциям прошлого, заключается не в повторении сказанного, хотя бы и на новый лад, не в инверсии мысли другого, но в переосмыслении и до-осмыслении. И дело здесь не в преемственности умов и традиций, а в иллюзии возможности всегда более совершенной интерпретации.

Идеи Ж. Лакана интенсивно интегрировались в гуманитарные науки в основном на Западе, оказав там заметное влияние на философию, политологию, психологию, литературоведение, лингвистику и пр. В российском гуманитарном пространстве работы Лакана мало изучены (что объясняется отчасти

долгим отсутствием переводов его на русский язык) и отрефлексированы лишь фрагментарно. Лакан – один из сложнейших философов (антифилософов) XX века. В Европе и на Западе концептуализация идей Лакана продолжается и по сей день, порождая уточненные, радующие ум подходы в понимании текстов и идей мэтра французского структурного психоанализа. «Русский подход» к пониманию Лакана пока отсутствует. Необходимо более полная рецепция лакановских идей в поле историко-философских конструкций, отечественной культурологии и религиоведения.

В данной статье мы хотим наметить контуры интерпретации лакановских идей о культуре и ее формах, в частности, науки и религии.

Лакановский структурный психоанализ с философской точки зрения – это новая, глубокая, уточненная теория субъективности. Для большинства (широких масс) теория Лакана неприемлема не только по причине ее сложности, но и того, что эта теория затрагивает вещи достаточно страшные: жесткую ограниченность автономии субъекта в измерениях свободы и любви.

На базе эмпирических и теоретических открытий Фрейда, исходя из собственной клинической практики, Лакан выстраивает свою концепцию субъекта бессознательного, которая проливает свет на то, *как* и *в какой мере* суть человека конституирована природой и культурой, и о бытии их самих.

Лакановская теория концентрируется вокруг прерывности между природой и культурой, культурой и обществом, необходимостью исследовать тот разрыв, который отделяет культуру от «некультуры», от природы и общества, и выявить, описать механизм перехода между ними. И сам «разрыв» и «механизм перехода» задают траекторию символической позиции бытия субъекта. Что за ней кроется?

Аналогичным вопросом задавались Э. Кассирер и К. Леви-Стросс. Именно кассиреровская трактовка сознания как области действия механизмов культуры, как совокупности и взаимозависимости символических форм, оказывается ближе теоретическим устремлениям структуралистов К. Леви-Стросса и Ж. Лакана, чем та витально-био-

логическая интерпретация сознания и бессознательного, которой отличалась их фрейдовская трактовка. Концепция Лакана в этом смысле может рассматриваться как структуралистское переосмысление фрейдовской концепции, трактующее бессознательное как культурный механизм¹. Роднит концепции Кассирера, Леви-Стросса и Лакана то, что они видят в проблеме символического функционирования сознания тот глубинный уровень, на котором объединяются и к которому сводятся формальные механизмы теоретического и практического действия в сферах, которые Кант считал принципиально раздельными². Однако для лакановской концепции принципиально важным является то, что именно символическая функция позволяет соотносить универсальные закономерности бессознательных структур с индивидуальным содержанием человеческой психики. Это во многом попытка поместить человека в проекцию, на широком фоне биологических, социальных и культурных факторов, понять индивидуальное человеческое сознание в контексте доиндивидуальных и надиндивидуальных детерминаций человеческого существования. Речь в данном случае идет о принципе дискурсивности как формо- и смыслообразующем механизме, опосредующем индивидуально-психическое и социально-культурное, о пространстве, в котором сочленяются механизмы духовного и соматического, в котором жесты мысли оказываются онтологически укорененными в бытии, а жизнь тела – одухотворенной первоначальным структурированием.

Итак, категориальная сетка, при помощи которой мы пытаемся уловить смысл лакановских идей о культуре и природе, включает в себя понятия субъекта, бессознательного и дискурса. Под субъектом у Лакана понимается то, что в разворачивании объективации находится вне объекта³. Бессознательное – это совокупность воздействий, оказываемых на субъекта речью на том уровне, где субъект формируется эффектами означающего⁴. Субъект, исходя из такой посылки, есть то, что одно означающее репрезентирует другому означающему. Дискурс представляет собой сцепление структур значений, обладающих собственными правилами комбинации и трансформации.

Лакановская топология субъекта такова, что учитывает онтологическую активность не столько осознанного Я, сколько субъекта бессознательного. Такой субъект не может быть понят как субстанциальное единство и определен через фиксированный набор характеристик, но может – как совокупность отношений, разворачивающихся внутри знаково-символической системы, предшествующей субъекту и определяющей его индивидуальный дискурс, его социальную, культурную и религиозную позицию/место. В лакановской теории бессознательное не есть субстанциальное понятие и не должно описываться в терминах инстинкта. Бессознательное имплицитно во все то, что мы говорим, и обнаруживает себя исключительно в силовом поле языка. Существование бессознательного и его мотивация идут от структуры языка.

С этой позиции на вопросы «что мы можем знать» (дискурс науки) и «во что мы верим» (дискурс религии) с точки зрения лакановской теории можно ответить так: «ничего такого, что бы не имело структуры языка»⁵.

Если все проявления человеческого духа (религия, миф, искусство) являются отражением существующей первичной структуры, которая наиболее полно воплощена в бессознательном или, по Лакану, в языке, то возникает вопрос: что делает язык детерминирующей структурой? Некое конститутивное отсутствие, не-бытие как источник всех возможных оппозиций. Речь идет о бинарности, бинарной структуре: цепь означающих формируется при помощи наличия и отсутствия признака. Эта упорядоченность выстраивается вокруг фундаментальной оппозиции «да» и «нет». Оппозиционное отсутствие становится значимым только в присутствии чего-то, его выявляющего. Пустое пространство между двумя сущностями, которых нет, обретает значение только в том случае, если все значимости — «да», «нет» и пустое пространство между ними — взаимообуславливают друг друга. И если «структуралистское отсутствие говорит нам о том, что на месте того, чего нет, появляется что-то другое, то у Лакана всякая представленная вещь имеет смысл постольку, поскольку выявляет само

отсутствие»⁶. «Отсутствие» в лакановском универсуме появляется не в связи с формированием цепи означающих через указание на присутствие и отсутствие. Цепь означающих формируется через оппозиции и различия, поскольку уже имеется некое конститутивное «отсутствие». Исходя из этого, не-бытие, или пустота, – это не провал между двумя членами оппозиции, а источник всех возможных оппозиций. Именно на этом основании, как мы думаем, базируется лакановская концепция культуры и ее форм: науки, религии, мифологии, искусства.

Какова, однако, связь означающего и природы? Существуют связи, указывает Лакан, которые предопределены еще до того, как возникают между людьми какие бы то ни было собственно человеческие по характеру отношения. Начало свое эти связи берут в том, на что они могут опереться в природе, в том, что своим распределением она задает противоположенные в каком-то отношении темы. Природа, таким образом, является поставщиком означающих. Эти означающие являются тем основополагающим фактором, который человеческие отношения организует, задает их структуру, их моделирует. Структурирует означающее и связи внутри регистра религиозного, да и сам этот регистр вызывает к существованию.

Истоки языка бессознательного – в глубинах первоначальных пар оппозиций, составляющих условие и механизм формирования культурного сознания. Их общий смысл – различие, прерывность. Биологическая потребность непрерывна, она вызывает к непосредственному удовлетворению. Для того, чтобы стать человеческим желанием, необходимо ее символическое опосредование, структурирование и словесное воспроизведение, формулирование. Сам порядок культуры и причастная ему психическая реальность человека, как и определяющий ее закон символического, по сути своей компенсаторны. Культура возникает в зазоре, в пробеле бытия: между биологической потребностью и ее непосредственным удовлетворением, вследствие отсрочки этого удовлетворения, задержки, нехватки и возникающей при этом напряженности. По отношению к логике природы логика культуры и

религии есть логика прерывности, а сама культура в самом формальном своем определении оказывается средством закрепления прерывности, способом воспроизведения ее в человеческом сознании и поведении. Эта прерывность, составляющая специфику культурных и религиозных механизмов в сравнении с природными, удерживается с трудом, постоянно подвергаясь синтезированию, центрированию по схемам воображаемого с его способностью к разрядке, компенсации и восполнению.

Ядро лакановской теории, проливающей свет на понимание культуры и ее форм – понятие Реального. Реальное – мир объектов и опыта, лежащих по ту сторону языка. Это одновременно и твердое, непроницаемое ядро, не поддающееся символизации, и совершенно химерическая сущность, сама по себе не обладающая какой бы то ни было онтологической устойчивостью. Реальное ничего собой не представляет, но, тем не менее, обладает рядом качеств – оно связано со структурными изменениями, может вызвать ряд следствий, эффектов в символической действительности субъектов. Это нехватка, вокруг которой и структурируется символический порядок. Реальное – это пустота, функционирующая как объект желания.

Лакан переносит акцент с фрейдовского понятия инцеста как предельной структуры культуры на указание, что мать просто занимает место Вещи, *das Ding*, объекта, который всегда исключен из любой картины реальности и который заявляет о себе как нечто отсутствующее.

Вещь – это опыт отсутствия в опыте Реального, наличие в центре Реального пустоты, *nihi*, ничто, вокруг которого формируется означающее. Вещь, все сотворенные человеком формы которой принадлежат регистру сублимации, всегда оказывается представленной с помощью пустоты. Поэтому в любой форме сублимации определяющая роль будет принадлежать пустоте. «Любое искусство характеризуется тем или иным способом организации вокруг этой пустоты. Религия во всех ее формах представляет собой тот или иной способ этой пустоты избежать, или эту пустоту уважать»⁷. Кажется, что мы имеем дело с выводами в духе А.Н. Чаныше-

ва: «Философия, религия, наука, искусство – до сих пор не осознанные способы заклания небытия» и «Не скрыто ли в идее творения из ничего признание первичности и абсолютности небытия»⁸. Действительно, в части, где речь идет о том, что в материи содержится столько энергии, сколько нужно, чтобы вернуть ее в небытие (влечение к смерти у Фрейда), и о бытии как о воображаемой субстанциональной подкладке небытия, философы словно вторят друг другу. Но в отличие от «нигитологии» Чанышева, у которого небытие есть онтологический принцип, для Лакана пустота, ничто есть форма, принцип организации Символического, оставляющая след в сознании субъекта. Если в искусстве имеет место вытеснение Вещи, а в религии ее смещение, отсрочка, то в дискурсе науки мы имеем дело с отбрасыванием Вещи. Дискурс науки отвергает присутствие слова, поскольку в перспективе ему рисуется идеал абсолютного знания, то есть чего-то такого, что полагает Вещь, никак при этом с ней не считаясь.

Иудео-христианский креационизм *ex nihilo* коэкстенсивен точному расположению Вещи как таковой. Именно здесь, как говорит Лакан, и находится уже много веков – и прежде ближайших, тех, когда мы были сформированы сами, – то место, где артикулируется и взвешивается вся моральная проблематика. Как это ни парадоксально, но согласно Лакану, в основе западноевропейской цивилизации лежит именно религиозный дискурс, он и есть первоначальный закон речи этой цивилизации, по правилам которой субъект артикулирует свои желания, вытесненные или осознанные, в местах которой субъект и общество подвержены сублимации⁹. Исходя из этого, лакановский анализ строится на изучении смещений, сгущений и затруднений этой речи. Иначе говоря, то символическое (язык, закон, культура), куда входит субъект, структурировано как *дискурс Единого означающего*¹⁰. Монотеизм конституирует символическую позицию субъекта так, что ситуация означивания получает здесь свой предел в одном-единственном означающем – Боге. Предел этот выступает гарантированностью и устойчивостью связей субъекта между желанием и Законом, с од-

ной стороны, и дистанцией в либидинальной икономии между удовольствием и Вещью как грехом, с другой.

Иудео-христианская культура, лежащая в основе западноевропейской цивилизации, задала первоначальные, исходные образцы конституирования субъективности на основе закона речи. Структуры эти продолжают действовать в современном обществе вне зависимости от процессов секуляризации, интеграции, новых типов идеологии. Законы, нарративы, рассказы и символы монотеизма продолжают поддерживать ключевые фантазии культуры, индивидуальности, наций, статус государственности и общинную близость в современности, которая стремится вытеснить их (дискурс искусства) или отрицать (дискурс науки). Религиозный дискурс по-прежнему продолжает поддерживать и гарантировать в культуре наши структуры субъективности и социального взаимодействия. Светский субъект произведен религиозным дискурсом, который ему предшествует и продолжает говорить через него. И задача современной критики не в том, чтобы заставить замолчать или разоблачить этот дис-

курс, но, скорее, в том, чтобы убедить современный субъект принять ответственность за его артикуляцию.

Примечания

¹ Не принимая позицию метафизического реализма, лакановская теория постоянно рискует в глазах внешнего наблюдателя впасть в культурный релятивизм, от чего ее, однако, оберегает общая для психоанализа установка на естествознание.

² Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках: Критический очерк концепций французского структурализма. М., 1977. С.34.

³ Лакан Ж. Семинары. Кн.1. Работы Фрейда по технике психоанализа. М., 1998. С.176.

⁴ Лакан Ж. Семинары. Кн.11. Четыре основные понятия психоанализа. М., 2004. С.136.

⁵ Лакан Ж. Телевидение. М., 2000. С.61.

⁶ Эко У. Отсутствующая структура: Введение в семиологию. СПб., 2004. С.433.

⁷ Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа. М., 2006. С.169.

⁸ Чанышев А.Н. Трактат о небытии // Вопр. философии. 1990. № 19. С.159.

⁹ Лакан Ж. Семинары. Кн.7. Этика психоанализа. С.93.

¹⁰ Своеобразное развитие этой мысли изложено в работе см.: Reinhard K., Reinhard J. The Subject of Religion: Lacan and the Ten Commandments // Diacritics. 2003. V.33, № 2, Summer. P.91.